Глава 148. Не в себе (часть 7)

Как и было сказано, времени у нас было не так уж и много. Поэтому доставать Хэя и подшучивать над ним слишком долго я не мог. Обменявшись кое-какими любезностями, мы быстро перешли к делам, коих было не счесть.

— …Ладно, хватит баловаться… Итак, о чём я, хорошо его спрятал?

Хэй ответил быстро и без раздумий:

— Как всегда… Даже лучше. Он всё-таки Мировой, это тебе не военный спецназ или какие-нибудь сошки из клана, — при этом, его тон был спокойным и размеренным.

— Мировой? Сейчас? В его-то случае? Поверь, это не больше, чем титул, звание или даже слово. Не говоря уже о том, выживет он или нет.

— Думаю, выживет…

— Пусть так — дело житейское. Всё равно придёт он в себя ещё не скоро. Присматривай за ним. Или мне найти кого-то для помощи?

— Нет, я справлюсь.

— Вот и прекрасно. Если что, пусть девочка тебе поможет. К слову, как у тебя с ней? Всё нормально?

— Пока не сбежала.

— Ты ведь красавчик, я бы тоже не сбежал, хах.

— Иди ты.

— Ладно-ладно. Так что, она справляется, ты же тот ещё садист?

— Как и сказал, пока не сбежала.

После моего недолгого сверления взглядом, Хэй продолжил:

— Вкратце, она всё меньше пользуется усыпляющей магией и всё больше использует «нормальное» волшебство: убивает «нужных» людей налево и направо. В целом, как ты и сказал в самом начале, девочка толковая и марать руки не боится. Даже не знаю, чем она тебе не угодила…

— Разве она мне не угодила?

— Давай без этого, мы оба знаем, как всё было.

— И как же? Я ведь защитил её от тех старпёров…

— Кудо? Давай без этих сказок. У тебя просто появилась прекрасная возможность плюнуть им в лицо, ещё и в личине школьника, будь на её месте толстый прыщавый подросток или булыжник с улицы, ты бы и их «защитил», прикрываясь моралью и «миром во всём мире». А когда дело дошло до реальных…

— Ладно-ладно, я тебя понял. Критикуешь и отчитываешь меня, как какого-то сопляка. Помягче с этим. Ты ведь ей помог? Помог. Это самое главное, — договорив, я отпил горячей жидкости и перевёл взгляд на лежащего поодаль Нарана.

— Что у тебя на уме? — после минутной паузы и молчания, Хэй решил нарушить умиротворяющую тишину.

— На уме? У всех всегда что-то на уме, так что это не важно. Но ты правильно делаешь, что интересуешься этим вопросом, ха-ха…

Обдумав немного мои слова, он наконец-то отреагировал:

— У тебя на меня опять планы? Мне уже стоит начинать бояться?

— Бояться? Ты никогда меня не боялся. Смех, да и только. Забыл, как недавно угрожал мне расправой, а?

— Я…

— Планы или нет — сейчас не важно, — не дал я ему сказать. — Так что расслабься, но в будущем мы ещё к этому вернёмся.

— …

— А сейчас, у меня к тебе ещё просьба. Это на счёт Эрсель.

— Она… Эта непослушная женщина? Она же сейчас решает вопрос с твоей последней работой. Мне нужно всё переделать?..

— Нет-нет. Во-первых, она девушка. А во-вторых, в ближайшее время вернётся в Батор.

— Я думал ты её ещё не скоро вернёшь… Даже никак не накажешь?

— Притормози. Я вам не отец или мамочка, чтобы кого-то наказывать. Вы люди взрослые…

— Взрослые или нет, но везде нужен порядок. И ты это знаешь. А она — нет. Она вообще бесконтрольная… Даже для меня её поведение чересчур. Не забывай, что и на таких как ты возлагается ответственность, особенно если собрал вокруг себя людей…

— Знаю. Пока что для этого у меня есть ты. Наша злая мамочка, ха-ха… Даже сам иногда просыпаюсь в холодном поту, потому что боюсь твоего гнева, ха-ха…

После тяжёлого вздоха, стараясь никак не реагировать на мои «неуместные» вставки, Хэй спросил заинтересованным голосом:

— «Пока»? Тогда, когда это «пока» закончится, что будет дальше?

— Что дальше? Ты задаёшь вопросы в очень правильном направлении — мне это нравится. Здесь-то и появляется Эрсель…

— Только не говори…

— Ага, я хочу, чтобы ты передал ей большую часть своих обязанностей. Место «ферзя» на шахматной доске временно, а может и нет, займёт она.

— Ты шутишь?! Да даже Хаён для этого лучше подойдёт…

— Не факт, — резко перебил я. — Ты сильно недооцениваешь нашу Эрсель. Поверь, сильно. Пусть она и ведёт себя по-детски. А Хаён… Возможно, она и подошла бы лучше (а, может, и нет), но на неё у меня совершенно другие планы.

— Эй, что ты задумал?! К чему это всё?

— Ничего такого… Кроме того, думаю, сейчас тебе в любом случае понадобится помощь. Ты выполняешь основные заказы, ты подмял под себя теневой «мир»…

— Мы подмяли…

— …Это тонкости — не важно. Так вот, подмял теневой «мир», нянчишься со школьницей, помогаешь мне и занимаешь ещё много чем. А Эрсель — не худший кандидат, учитывая, что других особо и нет.

— Если она не будет слушаться…

— Она и не будет. Так что она — твоё самое проблемное задание…

— …Нет… Моё самое проблемное задание — это ты…

— Кого-кого, но тебя я точно никогда не держал, — я искренне улыбнулся Хэю. — Но ты всё равно шёл рядом. Сам выбрал меня, как облезлый блохастый чёрный котик, увязавшийся за прохожим на улице. Ты думаешь: «Нет, не может быть, он точно отвяжется», — но нет, он идёт и идёт. И с одной стороны тебе это в радость, а с другой — ты даже не уверен, нужен ли тебе этот котик. Осилишь ли ты его? Тогда ты начинаешь задумываться, а что, если он пойдёт за тобой до самого дома? Останется там? Будет смотреть в окна? На тебя? Затем тебя охватывает волнение: за ним ведь нужно будет следить, кормить, прибирать…

— Прекрасная аналогия… Давай уже к сути.

— К сути? Ну, я не жалею, что за мной увязалось такое чудо.

Глава 149. Не в себе (часть 8)

— Не жалеешь? Иногда мне кажется, что наступи даже конец света, ты всё равно жалеть не будешь. А тут за тобой всего лишь «увязался» какой-то котик…

— Пусть так, но ты упускаешь одно важное отличие: котик реален и сидит передо мной, а конец света — лишь красивое словосочетание, созданное мнительными людьми для таких же мнительных людей. Не говоря уже о том, что в слово «свет» можно вложить уйму разных значений, от уничтожения Земли, до потухшей лампочки в туалете; и оба случая мне кажутся такими себе: жить можно и не на Земле; сидеть и философствовать о жизни можно и в темноте…

— Но то же можно сказать и про твоего «котика», разве нет? Они реальны, да, но их много и найти нового можно в любой момент…

— Так оно и есть, — сказал я и задумался на секунду-вторую, — но не забывай о том, что они

эгоисты и очень мало уличных котиков, увязавшихся за тобой, по-настоящему доходят с тобой до твоего дома и готовы с радостью ловить там мешающих тебе мышей. Не забывай и о том, что большинство из них предпочтёт проводить время у твоего соседа, который по пьяни дал ему кусок мясо побольше. И не забывай о том, что, наконец-то, твой — он твой. А со своим, чтобы это ни было, образуется та или иная психологическая связь. И это нормально. Это правильно. Так что не нужно доказывать мне, что такой котик как ты не заслуживает моей симпатии, моей любви.

— Любви? Звучит мерзко… Особенно, если знать, сколько ты уже ходишь по этой бренной земле. Но не нужно разъяснять… Я и так прекрасно понял суть твоих слов.

— Что такое? — рассмеялся я. — Трудно быть кем-то любимым, когда никто тебя особо не любил? Мишель вот справилась и ты справишься. Кстати о ней, когда мне организовать для вас встречу?..

— Никогда!

— …Я для такого даже могу праздничный стол накрыть, ха-ха.

— Ты уходишь от темы! — недовольно сказал Хэй.

— Ладно тебе, я же говорил, мы нечасто так собираемся. Можно немножко и отойти от темы, от работы. Не нервничай…

— Я не нервничаю!

— Ха-ха, оно и видно. Ладно, хочешь работу, будет тебе работа. На тебе мой бывший директор и Эрсель. Уж не подведи. У меня сейчас времени на них нет. Уж извини.

— Опять Йотсуба?

— Нет, скорее всего, я с ними больше сотрудничать не буду.

— В смысле?

— В прямом.

— А как же: «Работа, работа, деньги, больше денег…»? — съязвил Хэй.

— Я против них ничего не имею. С ними удобно. Но мы ведь оба знаем, что для меня они никогда не были чем-то первостепенным и главным. Помалкивал бы лучше. Итак, к теме.

Большую часть денег мы вложили в наше маленькое предприятие. Ты это уже знаешь. Им занимается наш дорогой учёный Ипполит Антонович. А в дальнейшем один из братьев возьмёт борозды правления в свои руки. Если всё будет хорошо, в чём я не сомневаюсь, вскоре работать на других людей не придётся.

— А Йотсуба-то знает? Разве они не твои «VIP»-клиенты?

— Отчитываться перед ними я не обязан. Лучше скажи, что там с предприятием?

— Как хочешь… Скажу лишь, что кто-кто, а эта семья точно не отстанет от тебя. Ты же и сам знаешь, сколько они уже пробивают нас? Им интересно, кто же эти лю…

— Ладно тебе. Так что там с предприятием?

— Они уже более-менее оформили все документы. Сейчас самое сложное — это организовать производство: помещения, оборудования, персонал…

— Когда есть финансы и мозги — это не так уж и трудно. Поэтому я доверил эту работу не тебе, а нашему «гению», любящему деньги, как своих детей, ха-ха.

— Я бы и не взялся. У меня и так ни выходного, ни проходного…

— Тут уж я тебе точно не помощник и не виновник — кто виноват, что ты не умеешь отдыхать? Слишком ответственные (помешанные на работе!) люди быстро сгорают, как свеча, я тебе это уже не раз говорил. Поэтому и стараюсь сильно не давить на тебя. Сейчас, да, повесил много всякого, но тут уж извини — это непредвиденные обстоятельства…

— По-твоему, играть с огнём в виде Мирового Волшебника, тем более таким упрямым как Ганц Йохансон, — это «непредвиденные обстоятельства»?! Трудно не предвидеть к чему это может привести, не так ли?

— Мы друг друга немножко недопоняли — такое бывает… Ты ведь сам сказал, что он выживет. Разве это не показывает, что я и не собирался его убивать? Что я и предположить не мог о таком «повороте»? Всё вышло само собой… Рандомно, — сказал я, с лицом невинного ребёнка.

— Я и не сомневаюсь… Рандомно устроил школьникам ад. Рандомно снёс Мирового Волшебника. Рандомно переплюнул своим безрассудством даже клан Кудо. Я вот думал, почему ты их так недолюбливаешь. А вчера понял: ты боялся, что они могут составить тебе конкуренцию в безрассудстве и жестокости, — Хэй весело засмеялся, высмеивая меня.

Эй, мы так не договаривались! Высмеивание — это моя прерогатива над тобой!

Я посмеялся вместе с ним и сказал:

— Рад, что твоё чувство юмора, всё ещё с тобой.

— С таким чувством юмора как наше, у многих могут и волосы дыбом встать. Но знаешь, я даже рад…

— И ещё меня называешь жестоким?

— …ведь вчера, даже такой человек как я, знающий тебя довольно долго, впервые увидел, на что ты способен и на что готов пойти.

— Неужто? Так что, больше не будешь угрожать мне расправой?

— Не причинишь ей вреда, то и мои угрозы бессмысленны, пусть на деле они бессмысленны в любом случае. Но, в случае чего, я предпочту биться об стену, чем пропущу мимо себя какую-нибудь выходку по отношению к ней. Ты же это знаешь.

— Опять угрозы. Угрозы. Знаешь, что силёнок-то не хватит, но угрожаешь? Ты даже упрямее Ганца Йохансона. Да ничего я ей не сделаю. Относишься ко мне, как к какому-то извергу.

— Вчера ты показал, что недооценивать тебя не стоит. По крайней мере, это тот вывод, который я вынес для себя. Можно вопрос?

— Ого. Формальности? Спрашивай, тебе можно всё. Практически всё, хах.

Глава 150. Не в себе (часть 9)

— Почему ты его не убил? — глянув на меня и видя, что я задумался, Хэй продолжил. — Да, он при смерти, да, считай что, не жилец, пусть и сможет выкарабкаться. Но это не отменяет того факта, что ты его не убил. Ладно, я могу понять, почему ты не сделал этого сразу: такие как мы рано или поздно начинаем ценить по-настоящему хороших противников, даже пренебрегая жизнями других. Но потом? Зачем он тебе? Держать в кармане гранату без чеки, лишь придерживая её рукой, — это идея либо психа, либо человека, готовящегося в любой момент кинуть эту самую гранату в противника. Как бы тебя не характеризовали многие, психом я тебя точно не считаю. Скажи мне, к чему ты готовишься? Неприятно осознавать, что даже я не понимаю части происходящих вещей. Да и тебя самого, хотя, казалось бы, нахожусь ближе всех.

— Я рад, что Хэй не считает меня психом. Это самые тёплые слова, которые ты когда-либо мне…

— Не уходит от темы.

— …говорил. Я не ухожу. Мне правда приятно. Не хотел убивать и не убил. Просто так вышло…

— Не просто. Он тебе понравился?

— Понравился? Звучит как-то… так себе… Не то, чтобы понравился. На самом деле, отчасти я уже ответил на этот вопрос. Я не собирался его убивать и не убил. Всё вышло так, как вышло. Не видел смысла его убивать. Это так важно?

— Возможно.

— Если тебя смущает, что пострадало много других…

— Нет, я не он, — говоря, Хэй указал на лежащего Нарана. — О, он в сознании.

— Я знаю.

Не поднимая головы, тот, если не смотрел, то просто слушал нас.

Видя это, Хэй спросил прямо:

— Так что ты решил? Убить сейчас самое простое решение, учитывая, что я уже избавился от их людей. Я наблюдал за ними со вчерашнего вечера, как ты и просил. Пусть, бежать сразу стучать на тебя они не стали, ты правда думаешь, что такие лживые моралфаги не сделают этого в ближайшее время? Ты ведь и сам видел их отношение…

— Из-за меня погибли люди, — сказал я, глядя в сторону лейтенанта. — Много людей. Называть их в данном случае «лживыми моралфагами» некорректно. По крайней мере, старшего. Хотя признаю, если бы я и в правду хотел убить всех, никого бы в живых не осталось. Но в нашем мире мало кто будет благодарить «убийцу» за то, что он убил меньше, чем мог. И это правильно. Я и сам критикую многие кланы за схожие действия. Но во многом всё равно считаю их хуже себя, однако в чём-то — и лучше. Идеала не существует. Не так ли, Наран? Не молчи, можешь даже встать.

— …

— Молчишь? Пусть так. Я понимаю, что у всех. У каждого. Есть верхняя черта. Потолок. Вы

долго терпели меня с отцом, хотя по большей части это не от любви, а от бессилия. Бессилия что-либо изменить. Но правильно ли говорить сейчас о бессилии, особенно по отношению к тебе? — спросил я риторически. — Вот взять Хэя. Мы уже долго с ним разговариваем, так что представлять его тебе нет смысла. Ты должен был уже понять, кто он. Итак, пусть в чём-то он хуже тебя, как минимум он тот, за поимку кого ты бы мог сделать себе карьеру быстрее, чем тесто поднимается после добавления дрожжей; но при этом он человек, который пойдёт на всё, если задеть его «моральность», которая, к слову, приземлённая, странная и атрофированная, — пойдёт на всё, даже если это будет последней вещью в его жизни! Даже если будет знать, что ничего не добьётся! Это называется «принципом». Принципиальность. Ужасная вещь!! От неё гибли не просто люди, а цивилизации! Разрушались не просто города, а целые страны! Появлялись не просто волшебники, а Мировые! Тираны! Убийцы! Диктаторы! К слову, из-за неё и пострадало несколько школьников вчера… Бывает. Все мы принципиальны в тех или иных вопросах, не так ли? — Наран не реагировал. — Вот скажи, смог ли я задеть твои принципы? Ты хоть раз хотел остановить меня? По-настоящему остановить? Молчишь? Пусть так. Но всё, что я видел сегодня, так это твои попытки остановить не меня, а своего отца. Нет, я не пытаюсь вас рассорить — это было бы бессмысленно и глупо.

Понизив голос, я продолжил:

— Скажи мне, помнишь ли ты, когда настаивал на «безопасности» тех американских солдат?! Когда ты говорил, что меняя время, нужно менять и планы?! Скажи, тебе по-настоящему было до этого дело?! Или ты говорил так просто для того, чтобы угодить своему отцу?! Хороший вопрос, не правда ли?! — я бросил взгляд на старшего. — Наран… Наран… При встрече ты всегда самодовольно рассказываешь, что знаешь меня как облупленного. Знаешь какой я на самом деле… Какой же ты всезнающий человек! Уверен, всему миру далеко до твоих познаний! И что же, зная всё, ты лежит тут и молчишь?!! Плачешь и ноешь, как свинья, не получившая свои отходы?! Да ничего ты не знаешь! Ты всё тот же напыщенный ребёнок, играющий во взрослого! Всё тот же маменький сынок, только вместо мамы у тебя отец. Пора расти! А не искать ответы у других; винить других! Ты маленький лживый лицемерный обманщик, желающий сиять перед стадом. Но ты — никто. Не потому, что другие лучше, а потому что ты лишь выдуманный образ! Образ, который хочет видеть твой отец! Внутри ты лицемернее, лживее и эгоистичнее всех вместе взятых в этой комнате. Я лгу всем, но не лгу себе. Ты же — лжёшь и себе и окружающим. Сколько бы ты не рассказывал мне, какой я на самом деле, — я знаю, какой на самом деле ты. Маленький гнилой человек, который ищет не справедливости, не порядка, а возможностей! Возможностей для себя!! Себя любимого!!

Глава 151. Не в себе (часть 10)

Утешив Нарана добрым словом, я встал со своего места и подошёл к нему. Присел рядом. Посмотрел в лицо.

— Всё верно, для себя любимого, — повторил я, хлопая его по лицу. — А себя ты любишь, не

так ли? Все мы в той или иной степени себялюбивые… Но даже среди этих «всех» ты один из первых…

— Эт-это н-не т-так… — послышался тихий ответ Нарана, задыхающегося от лёгкой истерии.

— Не плачь. Чего ты, в самом деле? Даже голос дрожит. Я бы поинтересовался: «Это из-за страха?» Но ведь мы оба знаем, что нет. Твой плач — это слёзы гордости. Задетой гордости. Гордости, втоптанной в грязь. Ты ведь думаешь, что именно её я и хочу задеть? — я погладил лейтенанта по голове. — Но это не так. Даже наоборот: что-что, а до неё мне дела нет. Ты сам вцепился в неё, как утопающий в спасательный круг, только вот твой «спасательный круг» лишь сильнее тянет тебя вниз. Пора перестать хвататься за него. Сейчас он тебе не помощник. Наоборот. Так что отпусти его. Иначе будет только хуже. Намного хуже. Тебе самому.

Я синтезировал воду.

— Выпей и успокойся… Пей — чтоб тебя — не бойся! В отличие от вас с отцом, я в жидкости ничего не подмешиваю. Ни яд, ни отраву…

— М-мы не…

— Заткнись, Наран!.. То есть, помолчи… Тебе сейчас не стоит перенапрягаться. Когда спрошу, тогда можешь хоть поэму спеть.

Насильно затолкав воду в глотку, я продолжил:

— Итак. Я рассказал тебе практически всё, как и обещал когда-то. Ответил на все твои вопросы (и даже больше), как ты и хотел, когда-то. Пусть и своеобразным способом. Теперь-то ты доволен?

— …

— Снова молчишь? Пусть так. Только не плачь. Ибо чувствую себя плохим человеком, доведшим маленького ребёнка до слёз…

— Я-я-я н-немаленький…

— Тогда и веди себя соответственно. Даже мне приходится иногда это делать, хоть и предпочитаю серьёзности — баловство и дурачество. Последнее куда интереснее и приятнее, однако… увы, как говорится, потехе время, но и делу час. Разве нет?

— …

— Ладно… Думаю, пора заканчивать этот разговор — спектакль одного актёра. Слушай. Слушай внимательно. Во-первых, нянчиться с твоим отцом я не собираюсь — мне проще его убить…

— Нен…

— Не хочешь? Тогда остаётся только один вариант. Ты берёшь всё в свои руки и решаешь эту проблему — другого не дано. Разбираешься со своим отцом. Ни мне, ни Хэю, ни кому-либо ещё нет резона что-либо ему доказывать или переубеждать… Свою позицию я уже высказал, так что… В общем, ты понял. Остаётся лишь один единственный вопрос, на который я хочу получить ответ. Получить его не от твоего отца, не от твоего соседа, не от Василия Пупкина или ещё кого. А от одного человека — от тебя. Исключительно от тебя! Это не услуга. Не просьба. Не приказ или призыв. Ты либо соглашаешься и решаешь, а потом с радостью рассказываешь мне об этом. Как вы с ним спорили. Как ты его переубеждал. Как он проклинал меня и тебя. Возможно, говорил, что ты ему больше не сын… Это нормально. Люди часто изливают «правду» под эмоциями, и часто эта «правда» груба и обидчива, но также часто она бывает неискренней и существующей лишь от злости или нервов. Поверь, как бы и чем бы не закончился твой возможный разговор с отцом, он никогда по-настоящему не откажется от тебя. Но это так, к слову. Слишком уж ты дорог ему…

— Я…

— Подожди. Я ещё не договорил. Есть ведь и ещё одно решение. Тоже на самом деле мирное и спокойное. Хотя зависит от того, как посмотреть… В моих глазах оно самое удобное, но поверь, радости оно мне не принесёт. Ты и сам его знаешь. Это сделает даже не Хэй, я сам это сделаю. А то ведь подумаешь, что я боюсь ответственности или своей совести. Увы, мне бояться нечего. За все свои «грехи» я рассчитался на много лет вперёд, с самого рождения. И продолжаю делать свои «взносы» практически каждый чудный день. Уж поверь. Я даже дал вымышленное название этому «банку-взносов» — банк имени «Вседозволенности». Так что, уверяю, моя совесть даже не даст о себе знать.

Бледный и распухший, Наран внимательно слушал, лишь изредка моргая глазами.

— Я не отношусь к вам плохо. Даже наоборот. Но хочешь или нет, все не могут стоять на одной стороне берега — отличие взглядов будет всегда. Так что знай, когда вы с отцом превратитесь в прах, я развею его где-нибудь в прекрасном месте, пусть на деле, это и будет бессмысленным жестом — проявлением моей заботы к самому себе.

Я замолчал. Ненадолго повисла тишина. Наконец-то, я сообщил, холодно и кратко:

— Выбирай — выбор за тобой.

Налившиеся кровью глаза, ещё долго смотрели на меня. В них, как маленькие ребятишки, гуляли самые разные эмоции. Дети плакали. Грустили. Боялись. Изредка ругались. Бывало, призирали. А иногда и улыбались. Все они были такие разные…

Наран ответил:

— …хорошо…

— Не слышу, извини.

— Я всё сделаю…

— Уверен? Сможешь нести такую ношу?

— Я… да.

— Не будешь сожалеть?

— Я… справлюсь…

— Вот и прекрасно, — я вновь погладил лейтенанта по голове.

— …Не боишься? — сказал он глядя прямо в мои добрые глаза.

— О чём ты? — удивился я. — О лжи? Предательстве? Что ты пойдёшь против меня? — тот слегка кивнул (или мне показалось?). — Нет. Не боюсь. Я даже расскажу тебе притчу на этот счёт:

«Выплыли однажды прекрасный большой и захудалый маленький кораблики в синее море. Они плыли долго, встречая на своём пути множество проблем и невзгод. И вот, в одну самую тёмную и безлунную ночь, шёл на них шторм. Колоссальных размеров шторм, сметающий всё на своём пути. Создавая длинные смерчи. Глубокие воронки. Сильные порывы… Разряды…Взрывы.

— Я пройду через него! — крикнул прекрасный большой кораблик.

Захудалый маленький кораблик был не уверен, он сомневался, опасался… но всё равно тоже решил участвовать в этой авантюре. Они поплыли вперёд. Их трясло. Корма трещала. Мачта кривилась. Трюм был забит водой…»

— Знаешь, чем всё закончилось? — выждав паузу, я спросил у Нарана.

Он промолчал.

— Ну же, давай.

— …оба… утонули?.. — наконец-то ответил парень.

— Интересный ответ. Но кто знает? Возможно, и да, а, может, и нет. Финала у этой притчи нет. Точнее, он есть, но что стало с корабликами — неизвестно. Конец звучит так:

«…Их трясло. Корма трещала. Мачта кривилась. Трюм был забит водой…

А колоссальных размеров шторм просто шёл. Просто шёл. И шёл. И шёл. Он шёл независимо от них. Он шёл и будет идти, чтобы не случилось…»

— Конец! Тот, кто слушал, молодец… И раз ты мне уже ответил, думаю, нам с Хэем пора удалиться. А тебе — всё прекрасно обдумать, осмыслить. Возможно, что-то принять (а может — и нет). Удачи, Наран.

Оставив лейтенанта себе на уме, я ушёл, прихватив с собой и Хэя, который так и хотел что-то сказать, высказать, но оставался безмолвным. Что не говори: он лучший котик из всех, что увязались за мной. И единственный.

Глава 152. Не в себе (часть 11)

— Прекрасная погода. Чего призадумался, Хэй? — спросил я.

Мы стояли на улице — пора было расходиться. Я и так потратил пол дня на урегулирование вопросов, которые хоть и были важными, но отвлекали меня и от других не менее важных дел.

— Чего молчишь? Не хочешь со мной расставаться?

— …Нет… Просто хочу кое-что спросить, всё-таки в людях ты разбираешься лучше моего.

— Так спрашивай, зачем вести себя как малое дитя?

Хэй посмотрел на меня и сказал:

— Точно ли стоит вплетать в это Хаён? Он как-никак был её директором. Если этот хитрый лис

придёт в сознание, не появятся ли проблем от самой девочки…

— Не знаю, но если что, я лично урегулирую этот вопрос, хах. Не волнуйся…

— Но…

— Чтобы не было никаких «но», твоя задача не допустить чего-то, что ты сам себе там надумал. Да и вообще, меньше думай о плохом, говорят, чем больше думаешь, тем и вероятность больше. Вот я не думаю, и у меня всё всегда прекрасно, ха-ха.

Взгляд Хэя стал недовольным.

— И ещё, — вспомнив что-то, начал я. — Хватит каждый понедельник входить и выходить в окно моей квартиры. Это тебе не вход в Нарнию. И не выход из неё. Мне конечно приятно, но считай, что с этого момента я найду другой способ связаться с тобой. (Эти способы и так всегда были.) К тому же, мог бы хоть раз и приготовить чего-нибудь вкусненького, а так, только грязь носишь…

— За тобой следят?

— Я же сказал, грязь носишь. И вкусняшек не оставляешь.

— Как скажешь… Больше не буду, больно-то и хотелось.

— Вот и славно. Давай, не подведи.

— …

— Вопросов больше нет? — спросил я.

Хэй покачал головой.

— Точно?

Он повторил движение.

— Точно-точно?

— Точно!..

— Как знаешь. До встречи.

Я взлетел и покинул территорию дома четы Рамитов. Оставив троих: горе-сына, горе-отца и горе-«приёмыша» — себе на умах.

Вообще, инцидент с ними был не самым приятным. Но этот этап мы более-менее прошли. В целом, радовало, что к этой ситуации не нужно было относиться как к чему-то по-настоящему серьёзному — неожиданной она не была. Поэтому и называть её «проблемой» было бы преувеличением. И если в случае с АДом и Юрием Ежи я и вправду на минутку представил, что ко мне пришли с поличным, то в случае с родственничками такого не было: очевидно, что так или иначе, они бы всё поняли. Оставалось восторгаться их решению урегулировать всё тет-а-тет (на группу захвата закроем глаза, да и это уже проблемы самого Нарана). Даже попытка их ареста была чем-то занятным и весёлым. Чего-чего, а безрассудства не лишены даже они, ха-ха.

Оставшуюся часть дня я провёл под Храмом Пустоты, перелетая туда-сюда с места на место и подчищая хвосты, тоже самое было и на следующий день, и в последующие. За это время ко мне не единожды докапывались все, кто только можно. Но в основном это было поверхностно и только по делу.

Временами просыпалась и моя «паранойя» в ожидании чуда. Максимума же она достигла единожды. Это было где-то через добрых две недели после событий в доме Рамитов.

Был вечер. Я вернулся домой. (Вернулся из библиотеки, в которой проводил большую часть времени за прошедшие дни. Той самой библиотеки, на входе которой вас приветствовала надпись: «В невежественных руках и справочник туалетная бумага». Делал я это, чтобы морозиться от некоторых учеников школы №10 (бывшей школы), которые даже заявлялись ко мне домой (благо, к их приходу меня никогда не было на месте). В целом, игнорировал я их по максимуму, отвинчиваясь плохим самочувствием, — рано или поздно отстанут сами. Кроме того, библиотеку было удобно использовать и для того самого «прикрытия». Правда, покидал я её таким способом всего несколько раз: времени на беспечность не было. Мало ли кто заявится? А список этих возможных «заявится» был не самым маленьким.

Однако, мой самый главный «заявится» пошёл намного дальше… Точнее, пришёл прямо ко мне домой:

— ПРИВЕТ, мой мальчик!..

«Я не твой мальчик!!»

— …Долго же я ждал, думал, ты уже и не придёшь. Уходить вот хотел. Я тебе яблочек принёс. Проведать решил. А тебя всё нет и нет. Ты уж извини, что я самовольно вошёл.

«Вашими яблоками только скот кормить», — подумал я и сказал:

— Спасибо. Не страшно. Можно ли себя считать особенным, раз проведать меня пришёл человек аж такого уровня? Больше похоже на сон…

«Интересно, после нашего сражения исчезнет только Батор или и прилегающие районы в этой области?..»

— Сон говоришь? Сон — это когда твои кошечки ластятся к другому, ХА-ХА-ХА…

«Это не сон. Это реальность, а ещё и ревность. Хотя в данном случае больше похоже на чувство неполноценности. …Интересно, как много волшебников встанет на его сторону? Сто? Двести? Тысяча? Все? Для него это проблемой не будет: он горделивый, но когда дело доходит до решения проблем, — и врага в губы поцелует».

— Смешно-смешно… — сказал я. — Рад вашему приходу. Может чаю? Он конечно не «волшебный», но пить можно.

«…У меня есть Хэй, но звать его не буду. Кто ещё? Эрсель? Она могла бы помочь. Она ещё и живой умудрится выбраться… Хотя я и сам не собираюсь отбрасывать концы…»

— Нет, мальчик мой…

«Я не твой мальчик!»

— …пить я не хочу. Лучше расскажи, у тебя всё нормально? Как самочувствие? Смотрю, ты как отошёл от тех событий, только и делаешь, что учишься.

Глава 153. Не в себе (часть 12)

«Только и делаю, что учусь?! — повторил я про себя. — Следить за мной — не самое хорошее дело. У меня есть права и всё такое!»

— Но я это одобряю! — продолжил Реган О'Лири. Он даже сжал свою пухлую руку в кулак — видимо, жест «так держать!» (хотя кто его знает?). — Пусть школы и нет, это не отменяет того факта, что вам нужно учиться. Готовишься к поступлению?

— Вроде как «да», — ответил я.

«…Первым делом лучше всего утопить город в огне: это отвлечёт внимание, а большая часть врагов и их ресурсы будут направленны на защиту столицы и спасение людей, а не на меня с Эрсель. Также это может отсеять особо правильных, семейных и тех, кто послабее…»

— Но и не только к поступлению, — я продолжил говорить. — Бывает, просто повторяю уже пройденный материал, как говорится, держу себя в форме.

— О, вот оно как? Такие взгляды радуют, ХА-ХА-ХА. Не то, что современные сынки и дочурки окружающих меня политиков или других высших чинов: навороченные устройства, редкие слэмы, бесконечный пафос, а на деле — танцуют да пляшут. Таких выведи в бой, а они ничего не умеют, разве что шест им в руки дай — может, что и получится, ХА-ХА-ХА…

«Кх… Чего смешного-то?»

— Ито верно: и смех и грех, — поддержал я веселие бывшего вице-президента Монголии.

«…Итак, город в огне… Идти до конца или дать дёру? Пропускать такое… Но останусь до конца и всё, мировой «известности» не избежать… Хоть на Луну улетай, а потом на Титан… или сразу на Титан… или вообще просто борозди просторы космоса, пока с голоду не помрёшь…»

— Хотя… — продолжил я. — Не думаю, что это относится только к «сынкам и дочуркам политиков». К тому же, они и не обязаны становиться высококлассными волшебниками и участвовать в военных и других конфликтах, пусть и сидят, свесив ноги…

— Не обязаны? Вопрос-то спорный, что и кому они не обязаны, учитывая много всего, но ведь чуть что, и такие бегут первыми…

— Тогда, скоро начнётся массовое бегство крыс? — рассмеялся я. — Одни странности: то какие-то трупы, то ещё что-то невразумительное. Но спорить не буду: в отпрысках чиновников вы разбираетесь явно лучше моего. Скажу лишь, что не всем быть такими, как ваша племянница, хах.

— ВОТ! И я о чём. Таких как она — раз-два и обчёлся… Правда, она никогда не умела нормально контактировать с людьми, да и находить их — но это нестрашно. Главное, что её сильные стороны перевешивают всё остальное, ХА-ХА-ХА.

— Я смотрю, вы очень веселый человек. Так приятно узнавать вас всё лучше и лучше. Однако, увы, я вынужден с вами не согласиться. У меня даже двоякое ощущение, будто только вчера думал или говорил что-то похожее. Идеала не существует. В каждом есть что-то, что будет в той или иной мере неприятно другому человеку. Именно это всё: и «сильные стороны» и «всё остальное» — делают этого «каждого» таким, какой он есть. Пусть, как вы выразились, Мишель не умеет находить нормальных людей — не страшно: они и сами способны её найти. И в отличие от вас, не будут сопоставлять «сильное» со «всем остальным», чтобы решить, как к ней относиться.

Пусть на деле сказанные мною слова были слишком красивыми, настолько, что я и сам мог с трудом соответствовать им, но когда дело доходит до явной словестной «перепалки» — противостояния! — мы часто начинаем приукрашивать, подбирать искренние слова и слащавые обороты. И всё ради одной цели — продемонстрировать своё несогласие с собеседником, раскритиковать его и его взгляды, а также придать своим идеям и своей личности большей значимости и моральности.

— Говоришь, сами найдут её? ХА-ХА-ХА, — сотрясался Реган О'Лири. — Это да. Да! И таких хватает!

«Вы ведь и сами её нашли, не так ли?» — воздержался я.

Отбросив свои мысли, я расслабился: пусть поведение Регана О'Лири и было ублюдским; пусть он и одаривал меня улыбкой и смехом — маской, скрывающей его личину, — холодный и пронзительный взгляд; пусть у него и были скрытые мотивы, — но всё это было точно не из-за подозрений, связанных с недавними событиями.

Глуп. Как же он безгранично глуп. Каким бы дальновидным и смышлёным ни был… Он глуп. Это ли подтверждение фразы, что без своей свиты король никто? Или, может, это ли значит «отупение», когда эти гормоны — эти эмоции — ударяют в голову и зацикливают тебя на одних вещах, не давая увидеть другие — более важные?! Неужто Огненные Тигры, неужто даже упоминание Оливер Сент-Олер Ойербаха не возымело эффекта? (Не говоря уже о моей физиономии, засветившейся во всех делах?) Я что, взаправду выгляжу таким жалким волшебником?! Выскочкой, косящим под взрослого?! Неуклюжим и невезучим человеком, оказывающимся вечно не в том месте?! Просто школьником, пусть и слегка талантливым?!

Неужто моё стремление быть незаметным возымело такой колоссальный успех? Тогда мне остаётся быть одновременно польщённым и разочарованным! Польщённым самим собой и разочарованным всеми другими! Разве что Ганц Йохансон подавал надежды, косо поглядывая на меня с самого начала. Пусть это и было исключительно из-за его подозрений на мою связь с АДом. Выдуманную им самим связь. Не зря говорят, каждый видит то, что хочет увидеть… а в конце концов это приводит к полной «слепоте», что даже новорождённые котята покажутся великими ясновидцами!

— Всё верно, сами найдут, — сказал я беззаботно, закрыв на мгновение глаза. — А может, уже и нашли? Вы правильно делаете, что интересуетесь этим вопросом: нужно знать, с кем водится твой ребёнок, ха-ха-ха-ха… Что-то меня занесло, бывает. И раз вы уже узнали о моём самочувствии, не пора ли вам вершить судьбы человечества? Человек вы занятой. Но если времени у вас много, — тут же добавил я, — можете оставаться хоть до завтра. Такой скромный школьник как я, увлекающийся всякими мелочами, будет только рад. Я вам могу даже рассказать занимательную притчу. Притчу, которую прочитал в далёком детстве (а, может, и нет), звучит она так:

«Выплыл однажды прекрасный большой кораблик в синее море…»

Начав рассказ, в моей голове невольно всплыл старый диалог: «Сынок, не играй с огнём! — сказал мне когда-то отец. — Но с ним так интересно играть! — ответил я».

Глава 154. Не в себе (часть 13)

Трудно было сказать, как именно Реган О'Лири оценил притчу. Возможно, она была неверно понята им? Почему неверно? Потому что он кретин, то есть, потому что даже такие как он временами не способны видеть дальше своего носа. Доказательством тому был и слегка высмеивающий взгляд, как если бы незрелый школьник начал ему рассказывать о политике.

Не страшно: ни цели, ни желания оскорбить его прямо, у меня не было, по крайней мере, сейчас. (А может я и не мог, опасаясь возможного воплощения своих недавних мыслей в реальность?) Что бы это ни было — фактом оставалось одно: целенаправленно устраивать бойню я не собирался. И пусть виноватым в прошлый раз был исключительно Ганц Йохансон и пусть я совершенно не сожалею о случившемся, это не отменяло того факта, что подбери я слова по-другому, всё могло бы и решиться по-другому, хотя... Этого мы уже никогда не узнаем. И суть в том, что иногда всё-таки нужно более тщательнее следить за словами: грань между школьником-выскочкой и кем-то другим может оказаться тоньше, чем кончик моего Волхва, успешно найденного через несколько дней среди развалин школы №10 (бывшей школы). Тем более, говорим мы всё-таки о нашем верном подданном Монголии — Регане О'Лири. Поэтому и заниматься явной провокацией я не собирался. Всё что мне оставалось, это мучать своего собеседника словестным поносом, который к удивлению или нет, но принёс свои плоды:

…

— Как интересно, как интересно! ХА-ХА... Но так можно и до ночи сидеть, а у меня ещё много дел, как ты и сказал... ХА-ХА... А ведь я ещё и хотел кое-что узнать — чуть не забылся с тобой и с твоими россказнями. Так вот, куда планируешь поступать? — сказал Реган О'Лири.

— Я не сильно задавался этим вопросом. Хотя Мишель…

Мой гость кашлянул, видимо, запершило в горле (или нет?).

— …мне уже полмесяца ездит по ушам с чем-то похожим. А я ещё даже новую школу не выбрал.

— Ты ещё никуда не переводился? Смотрю, не спешишь. Так ведь и срочный перевод закончится. Медлишь, мальчик мой.

«Я не твой мальчик».

— Было бы куда спешить, — сказал я.

— Спешить всегда есть куда. Вашу школу вскоре восстановят, но это будет точно не в ближайшее время...

— Говорите, как политик, — рассмеялся я. — Вроде и «вскоре», а на деле — и «не в ближайшее время». Точно, вы ведь политиком и являетесь, ха-ха...

— ХА-ХА-ХА...СМЕШНО! Смешно!..

«Неужто?»

— В любом случае, медлить с переводом не нужно. А что там моя девочка...

«Она не твоя девочка!»

— ...может, предлагает что-то? Она башковитая...

— Ничего не предлагает, — пожал я плечами.

— Разве?

— Да.

— Не может быть, она-то точно должна была что-то придумать...

— Нет, ничего. Разве что сказала: «...Если всякие будут тебя доставать, сообщи мне, уж я-то поставлю их на место...» Дословно.

— Вот оно как? Она такая, такая! ХА-ХА! Палец в рот не клади!

— Есть такое.

— И что, достают?

— Достают или нет — на деле ведь это не важно? Ей о таком знать не нужно.

— ХА-ХА... Хорошо сказано. Я бы даже сказал, серьёзный ответ, — сказал Реган О'Лири, улыбаясь и играя своими лживыми глазками. Чуть погодя он продолжил, только уже деловито, будто сидит не со школьником, а где-то на международном закрытом собрании, где обсуждается важный вопрос: «Кого сегодня сделать виновником всех бед во всём мире?» (Вопрос, конечно, сложный, но, им каждый раз удаётся придумать на него ответ, а иногда и не один…) — Когда моя племяшка впервые привела тебя ко мне, я сразу понял — человек ты неординарный. Пусть к тому моменту я и знал о тебе уже что-то, но одно дело услышать, а другое — увидеть. Нынче редко можно…

И началась достаточно длинная речь, цель которой сначала выделить твои способности, потом сказать, что пора задуматься о жизни, будущем (а оно зависит только от тебя и твоих решений), а потом на подготовленной почве — длинными, лестными и важными (что не единожды подчёркивается) речами — сделать предложение, с которым захочется согласиться (или, от которого нельзя отказаться, как бы сказал старый добрый Вито). И это не шутка, ведь закончив мой «психоанализ», Реган О'Лири в конце концов так и сказал:

— ...И вот приходит время, когда нужно принимать взрослые решения. А, учитывая, что тебе удалось пережить многое, сомнений в твоей зрелости у меня нет. Поэтому я хочу тебе кое-что предложить. В начале нашего разговора ты спросил, можно ли считать себя особенным? Поверь, можно, ведь я редко кому делаю предложения…

— То-то у вас и жены нет…

— ЧТО-ЧТО?!

— Говорю, то-то у вас и жены нет. Сразу видно, что с «предложениями» у вас плохо, ха-ха-ха...

Вот что по-настоящему: «ХА-ХА-ХА…»

— …?!

Это была первая секунда искреннего ступора. Быстрая, мгновенная, но такая приятная. Казалось Реган О'Лири какое-то время совершенно не понимал, как правильно реагировать. Дурак ли я, не понимающий «важности» его речей? Человек, возомнивший себя побратимом и позволяющий себе слишком много (слышал, таких любят ставить на место хорошей трёпкой)? Или, может, переоценивающий себя подросток, решивший поиграть с огнём? Это был тот по-настоящему редкий случай, когда взрослый, считающий, что знает о тебе всё, уверен, что перед тобой просто мелочь и что другого варианта просто не существует. При этом, скорее всего, сильно ошибается, так же, как ошибается камышёвка, высиживая птенца особо хитрой кукушки-паразита. А раз другого варианта просто не существует, то эта мелочь явно перегибает палку, а раз перегибает, значит, она явно разбалована, а раз разбалована, значит ей стоит указать её место… Именно такой взгляд — распространённый взгляд, которым старшие смотрят на разных мелких отпрысков, незнающих «правды» жизни, не проживших и толики того, что прожили они, и доказывающих что-то своё: странное, противное, несовпадающее с шаблоном той самой «правды» жизни, которую они позволили вбить себе в

голову прошлыми поколениями, обществом или какими-нибудь зашарпанными кумирами, — именно такой взгляд и смотрел на меня сейчас!

Глава 155. Не в себе (часть 14)

Прошли секунды безмолвного молчания.

— Ты всё шутишь, — сказал Реган О'Лири, даже без намёка на свой смех — противный, лживый и приевшийся за всё это время. — Я говорю с тобой серьёзно, как с серьёзным человеком, — он слегка наклонился вперёд (будто до этого я его плохо слышал), при этом продолжал буравить меня своим взглядом. — Ты рассказал замечательную притчу. Кораблю…

— Не-не-не! Не правильно, — тут же перебил я. — Правильно: прекрасному большому кораблику…

— …!!

О, что за взгляд! Мне вспомнился старый добрый стишок:

«В небе открылся проход:

Рвёт сатана небосвод!

Из щели размером с кита,

Злой дух посмотрел на меня!»

— Это не важно, — сказал Реган О'Лири, сдерживая остатки своего терпения, — к тому же перебивать…

— Нехорошо, знаю. Можете продолжать. Вы там мою притчу хвалили, точнее, прочитанную мной притчу. А ваша похвала — многого стоит!

Я не знаю как, но мой старый собеседник — верный подданный Монголии (расскажи, никто не поверит) — кое-как смог принять мое, как считал сам, невежество (как он меня ещё не убил?) и закончить глупейшую аналогию о том, что рано или поздно любой «прекрасный большой кораблик» (хотя в версии Реган О'Лири он стал просто «кораблём» — старый хрыч пошёл на

принцип) встречается со своим штормом и должен не побояться войти в него — это и есть часть взросления… Вот так глубокие идеи о том, что человека лучше не трогать (причём для своего же блага), в глупых устах могут превратиться в жизнь-интерпретируемую историю про какую-то собачью чушь… Бывают, конечно, и обратные случаи, когда, например, независимая «дева» становится «девственницей», пусть и родила одного, а может и больше отпрысков (ни иначе, как магия!), как это было в какой-то сказке о мире без магии и смерти с одного пинка.

— Ты ведь понимаешь? — спросил Реган О'Лири, закончив свою высосанную из пальца аналогию. Не дожидаясь ответа, что, возможно, и к лучшему, он продолжил. — Итак, вернёмся к моему предложению. У тебя много разных достоинств, но вот уметь ладить с животными…

«Никак не отпустишь своих (хотя будем считать, что уже моих) Огненных Тигров? И смех и грех».

— …дано не каждому. У меня есть множество связей по всему миру, и сейчас в одно очень необычное место требуется кто-то особо одарённый, я бы даже сказал, неординарный. Я долго перебирал в голове возможных кандидатов, но никого не нашёл. И тут, я вспомнил об одном близком знакомом своей любимой племяшки и меня осенило! Такой ведь есть! Кх-кх, так вот. Есть одно большое предприятие, где можно и работать, и учиться, и даже карьеру себе сделать. Оно связанно с выращиванием и воспитанием магических животных. Только представить, каменная мягкотелая черепаха Свайно, те же Огненные Тигры, или, может, «божественная» лисица Фенека — все они и даже больше ожидают тебя там. Даже в Баторе нет чего-то столь же грандиозного…

«Значит, это не в Монголии? Занятно, занятно».

— …да что там, не будь я обременён обязанностями и сам бы захотел туда, — Реган О'Лири рассмеялся своим лживым смехом. Тем самым, который я надеялся больше не слышать.

Вдоволь насмеявшись, мой собеседник притих, лишь горящие глазки продолжили смотреть на меня, видимо, в ожидании чуда.

— Ваше предложение и в правду серьёзное, — сказал я. — И где же это прекрасное место, раз даже у нас нет ничего «столь же грандиозного»?

«Дай угадаю, ОАК?»

— Это в Америке, но ты не переживай, — Реган О'Лири сделал акцент на последнем слове. — Так уж и быть, я тебе помогу и даже всё организую! Чтоб ты понимал весь уровень и серьёзность, — продолжил старых хрыч, слегка понизив голос, — в американском посольстве есть человек, который поможет быстро всё организовать, однако это всё — вещи серьёзные. Это большая ответственность — шутки в сторону. Хотя, знаешь, в чём-чём, а в твоей надёжности я не сомневаюсь! Учитывая всё, ты ведь понимаешь, что это большая возможность…

— Да, здорово, но я не планировал…

«…становиться фермером на ферме».

— …покидать Монголию в ближайшее время.

— Постой-постой, не спеши, это важный…

— Нет, вы не понимаете. Ваше предложение очень хорошее, но, как я и сказал, покидать пределы этой страны я пока не собираюсь, пусть и не являюсь коренным жителем, хах. Так что, — продолжил я прежде, чем Реган О'Лири начал бы всё сначала, в попытке переубедить меня, — нет. Однозначное, непоколебимое — НЕТ, — сказал я, не повышая голоса, лишь вкладывая некоторую твёрдость в последнее слово. — Наверное, я должен быть благодарен вам за столь ценное предложение, но…

«…избавиться от меня так явно не выйдет».

— …я вынужден отказаться. Для меня такой важный шаг — слишком сложное решение, да и внезапных перемен я не люблю. Если же это и в правду так важно, то я могу посоветовать вам кое-кого из школы: там были способные ученики, — мягко сказал я, скрывая свой смех. — Я уж скорее слетаю к Мишель в Вену, чем уеду от неё так далеко, хах, — добавил я невзначай, будто пытаюсь извиниться за свой отказ. Но, конечно же, эти слова возымели совершенно другой, я бы даже сказал, противоположный эффект, пусть мой собеседник и не подал виду. — Думаю, она обрадуется, — добил я его.

Реган О'Лири внимательно смотрел на меня (или сквозь меня), улыбаясь добродушной улыбкой, пусть и думал при этом о каких-нибудь гадостях в мой адрес (и, скорее всего, именно так оно и было).

— Может, всё-таки чаю или кофе? — я нарушил молчание.

Даже не знаю, какая ещё фраза способна так хорошо передать мысль: «А не засиделся ли ты и не пора ли тебе восвояси?!»

Глава 156. Не в себе (часть 15)

— Чаю? Нет-нет, спасибо! — ответил Реган О'Лири, быстро возвращая улыбчивую маску. — Очень жаль… очень жаль, что ты не хочешь! Но ты хорошенько всё обдумай, обсуди с кем-

нибудь. Время ещё есть. Я ведь был уверен, что ты сразу согласишься. Даже уже связался с этим человеком из посольства, ХА-ХА, поузнавал у него. Он и сам был очень заинтересован. А тут такое… ХА-ХА-ХА… Но ничего, ничего. Времени ещё много. Может быть, ты и передумаешь, — Реган О'Лири встал. — Ты уж извини, у меня ещё много дел. Я пойду, но если надумаешь, говори, не стесняйся. Уверен, Мишель тоже будет рада, если ты согласишься.

— Ага, спасибо, — сказал я и, чуть погодя, когда мы попрощались, с радостью закрыл дверь за своим гостем.

Да уж, не каждый день к тебе наведываются такие люди. Другой бы сказал, что я невероятно удачлив или, быть может, даже не поверил бы, что такое вообще возможно… а на деле факт остаётся фактом: каким бы известным ни был человек или какую важную должность он не занимал — в целом он такой же, как и все остальные: со своим окружением, глупостью и проблемами. Его отличает лишь положение, тот самый социальный статус. Статус неизвестно кем придуманный, но известно кем эксплуатируемый. Статус, как бы это парадоксально ни было, существующий и поддерживающийся по большей части волей и действиями низших слоёв.

Выбирая, соглашаясь, восхищаясь, вознося, недолюбливая, критикуя и выказывая ещё какое-либо массовое отношение к тому или иному человеку, люди сами прославляют их, пусть иной раз и думают, что это не так. И сложный вопрос: это дураки, осознавая свою глупость, доверяют решения проблем более умным или это умные, понимая глупость дураков, используют их «особенность», чтобы встать во главе решения важных вопросов? Хотя, учитывая, что, например, после многих всплывших и не всплывших на поверхность фактов о «правлении» бывшего вице-президента Монголии, он — Реган О'Лири — продолжал оставаться на плаву и даже занимать высокие посты, можно с уверенностью сказать, что ответ на этот вопрос будет дуалистичным.

При всём при этом, как бы наивно это не звучало, но на его месте, мог оказаться и кто-то другой. Такой же хитрый, коварный, смышлёный, но этому «кому-то другому» посчастливилось стать лишь директором небольшого предприятия по производству какого-нибудь мусора, но даже там, в пределах тех маленьких стен «мусорного» заводика он способен вытворять вещи, аналогичные подвигам нашего верного подданного Монголии и даже большие. Масштабы разные, но корень «проблемы» — сложный, но одновременно такой простой человеческий мозг, — один и тот же. Разница лишь в том, что один устроит или, в случае чего, потянет за собой в «ад» тысячу, а другой — добрый миллион. В то время как менее «статусная» повариха в школьной столовой отравит своей гадостью лишь какую-нибудь сотню человек. Вот и видим, какой бы социальный статус у человека ни был, а подгадить он способен одинаково. Конечный результат отличается лишь циферкой и нулями после него. (И не стоит думать, что баба Фрося из столовой не осилит миллион, просто у неё нет для этого подходящих возможностей и подручных средств.)

Именно поэтому я не считал ни визит Регана О'Лири, ни его самого чем-то невероятным.

«НО ВЕДЬ ОН — НЕВЕРОЯТНЫЙ ВОЛШЕБНИК!!», — многие скажут в ответ.

«Бывает…» — отвечу я.

Да, личность он интересная, как тот же Ганц Йохансон, но поводом трепетать, робеть или восторгаться это не является. И как одних могут незаслуженно вычеркнуть из истории (Оливер Сент-Олер Ойербах), так других могут незаслуженно вписать. Пишут ведь люди, а им не в тягость…

(Услышь эти слова, Эрсель точно бы сказала: «Ты правда так думаешь о нём?! Я была уверенна, что ты так думаешь!!!»)

Что-то я задумался…

Итак. Выпроводив своего нового «друга» — Регана О'Лири — я умылся, заварил кофе и уселся на диван. Несмотря на не самое мирное отношения с его стороны, я и сам затруднялся сказать, что именно им движет: добрые побуждения, злые намерения или, может, что-то нейтральное. В последнем случае, его приход может быть обусловлен попытками Мишель оказать мне помощь. А исключать её причастности я не мог, пусть и запретил девушке вмешиваться в это и другие дела, связанные со мной. И судя по поведению Регана О'Лири, последний вариант был самым правдоподобным (по крайней мере, он не из тех, кто будет убеждать обычного охамевшего подростка без причины, когда с его-то властью и авторитетом всё можно решить не выходя из дома, лишь отдав маленькое распоряжение). Больше это было похоже на что-то личное (он даже не отчитал меня). Так что вариант с Мишель вполне правдоподобный. Однако я всё равно осознавал, что могу сильно ошибаться, а если это так… то к такому делу — попытке Регана О'Лири выпроводить меня невесть куда — не стоит относиться спустя рукава.

«Для начала лучше всё-таки куда-нибудь «устроить» свои документы, — задумался я. — Иначе ведь точно не отстанут. Да и, если подумать, это может решить большую часть вопросов и, в случае чего, вывести Регана О'Лири на чистую воду. Ведь он либо успокоится и отстанет от меня, либо… нет, и тогда с ним всё не так просто. И уже в последнем случае можно будет задуматься о тараканах в его голове…»

Приняв это простенькое решение, я стал перебирать удобные варианты для своего «трудоустройства». Но ничего дельного вот так сразу не нашёл: то то — не то, то это — не это. В связи с чем, я временно отложил этот скучный вопрос.

Глава 157. Не в себе (часть 16)

После встречи с Реганом О'Лири, да и после всех предшествующих дней до этого, жизнь более-менее начала успокаиваться и стабилизироваться. (По крайней мере, на первый взгляд..) Стрелка часов наконец-то замедлилась, её тик-такание выровнялось, а моё времяпровождение

на какое-то время устремилась в спокойное русло: ни спецслужбы, ни полиция, ни кто бы то ни было ещё, больше не приходили ко мне. Ни с вопросом о происшествии в школе, ни с чем бы то ни было ещё. Более того, практически все — все, чтоб его — так и не смогли разобраться хоть на йоту в произошедшем. Исчезнувших людей из АДа так и не нашли — они будто превратились в прах. Точно также не нашлась и девочка, за которой они охотились. Невесть куда пропавшая сотрудница госбезопасности так и не дала о себе знать, а её коллега, которому посчастливилось вовремя отключиться и вовремя не проснуться, томился в изоляторах, помогая с поиском бывшей напарницы — затерянной во Владивостоке миссис Верт. Конечно, это не отменяло того факта, что у всех были свои домыслы, подозрения и идеи. (А кто-то, а такой определённо должен был быть, смог осмыслить и часть от всего произошедшего — умеющих собирать «пазлы» хватает.) Однако чего-то явного, полного или конкретного не было ни у кого. (Чтобы понять это, не нужно быть гением! Как минимум я всё ещё живу спокойной жизнью.) Лишь разные СМИ вбрасывали очередную догадку или заказную «сенсацию». (Одна удивила даже меня, но об этом чуть позже.)

За прошедшие полмесяца (или около того), появились очень интересные новости. Прямо они меня не касались, но так или иначе отношение я к ним имел. Особенно занимательными были две.

Первая не представляла собой ничего сверхъестественного, она была ожидаемой и даже приятной (хотя понять всю её глубину мог далеко (далеко!) не каждый):

НЕУДАВШАЯСЯ ОПЕРАЦИЯ: СМЕРТИ И ОТСТАВКА!

Информация о неудавшейся операции по захвату членов преступной организации была подтверждена. Как и сообщалось ранее, был уничтожен целый отряд полиции, родственники скорбят. Ответственный за операцию и её провал, полковник полиции Сохор Рамит подал в отставку. Внутреннее расследование продолжается…

Я прочёл только «шапку» этой статьи. Большего и не требовалось. Ничего мистического я бы там не увидел. (Я читал газету — вот что настоящая «мистика»!) Всё началось так: я просто вышел из дома, но под дверью меня ожидал вот такой вот «подарок» — скрученный в трубочку толстый свёрток. Как чуть позже оказалось, газета «The Guardian» (кто нынче их вообще покупает и читает?!). К тому же, потребовалось время, чтобы найти нужную статью. Она была где-то в середине. (Всё такое мелкое и не понятное. Никакой нормальной навигации… Просто ужас! Ладно-ладно, я разобрался быстро. Не то, чтобы я не читал газеты, просто считаю их

неудобными.)

Догадаться, кто её подбросил было нетрудно. Этим человеком являлся один небезызвестный лейтенант, который так и не осмелился зайти ко мне домой. Странный он.

Хотя всё это бессмысленно: я уже слышал эту «новость» раньше. Не говоря уже о том, что, отчасти, предвидел её. Вот так вот они и решают проблемы. Вообще, если захотеть, можно решить любую проблему. (Не всем же быть принципиальными как некто — глава МОЗГа.) Другой вопрос, кем можно после этого стать?

А вот другая новость, та, что удивила даже меня, была связанна как раз таки с главой Международной Организации Защиты Граждан. Её основной посыл гласил: Ганц Йохансон сам устроил разрушение школы.

И смех и грех…

В общем, на него по чуть-чуть стали выливать грязь. Так сказать, пристрелочные броски перед массовым закидыванием камнями. Конечно, чего-то такого в этой газете («The Guardian») я так и не нашёл (может, плохо искал?).

Вкратце, изначально этот информационный вброс был всего лишь гипотезой, появившейся даже не у нас, а в заграничных СМИ. Но как-то быстро эта утка (кря-кря) переросла из чего-то маленького во что-то существенное. Возможно, отчасти потому, что это было на руку клану Бортэ. (Даже мне это на руку, но я слишком ленивый, чтобы организовывать нечто эдакое. Более того, лже-новость меня скорее возмутила, чем обрадовала!) А, возможно, и потому, что есть люди, готовые поверить и в такое. Итак, факт оставался фактом: враги у нашего «скромного» сладкоежки не ограничиваются одной лишь Монголией. Другой вопрос, кто эти гении — участники дешёвых скетчей, покусившиеся на главную роль в дорогой картине?! Вопрос-загадка — по-другому не скажешь… Ладно, всё, что остаётся делать мне — использовать эту информацию в своих целях.

В общем, такие вот две новости, самые интересные и существенные за последнее время. Больше ничего не было… Честно не было… Честно-честно! (Начнись Мировая война, я бы вам, несомненно, сообщил. Но таковой пока не предвидится.)

Итак, я вышел из дома. И вышел ведь не просто так. У меня были дела. Покинув квартиру и оказавшись на свежем воздухе, первым делом я направился к общественному транспорту. Мне нужно было на другой конец города, а идти пешком — затея долгая. (Я бы воспользовался магией, но сегодня был совершенно не тот случай — обычная встреча.)

— Где ты пропал?! Морозишься от нас!

Это было первым, что я услышал после входа в какое-то кафе. Говоривший — раздраженная Милина.

— Ты такая же! — но ответил ей такой же «спокойный» Отто Фишер. (Вид его был очень плохим, во всех смыслах этого слова!) — С тобой мне даже труднее было! Труднее!

Наблюдая их резкое приветствие, раздражённость, злобу и скрытую агрессию, мне показалось, что они сильно изменились (да, наверное, и не они одни). Эти перемены определённо не в лучшую сторону. Хотя… не мне их судить.

Глава 158. Не в себе (часть 17)

Я подсел к Отто и Милине. Вклинился в разговор (едкую словесную перепалку, продолжающуюся до сих пор) и мягко сказал:

— Если честно, я не хотел приходить. И глядя на вас сейчас, понимаю, что лучше бы и не приходил. Но всё же я пришёл. Поругаться успеете всегда. Я бы спросил, как ваши дела, но не буду: и так вижу, что хреново. Итак, — я проницательно окинул двоих взглядом, — чего хотели?

— Я ничего не хотела! — тут же огрызнулась девушка. — Это всё этот! — она указала на Отто. — Да и считаю, что если он на что-то рассчитывает, то звать нас, особенно тебя, было бессмысленно!

Закончив, она отвернулась.

Отто промолчал.

Я мысленно вздохнул: «Как я сюда попал?! — ответ появился сам собой: — Сам ведь пришёл…» И зачем только согласился?

— Ладно, — начал я как самый адекватный, отстранённый и непредвзятый. — Думаю, вы здесь из-за недавних событий? Хотите поговорить о школе или, может, о Сьюзен? — меня окатили два взгляда, один холоднее другого. — Так что? Что вам надо?

— Мы про…

— Не «мы», а ты! — Милина перебила Отто на полуслове.

Что сказать, если бы она стала героем какой-нибудь китайской новеллы, её путь назывался бы

Дао Стервы (или как-то так). Да что там, многих манит этот извилистый путь…

Отто запнулся от очередного едкого слова бывшей одноклассницы. Его и до того залитые глаза стали ещё краснее. Наверное, мне как самому старшему стоит сделать замечание… но ведь это не поможет, а Милина ещё и ко мне прицепится. Лучше уж оставить всё как есть.

Униженный и оскорблённый, Отто замолчал. Милина в свою очередь по-княжески отвернула голову. А я… а что могу я? Встал и пошёл купить себе кофе с шоколадкой. Раз встреча ничего хорошего не сулит, так хоть от сладенького получу удовольствие.

— Ещё сидите? — обратился я к двоим, вернувшись обратно. — А я надеялся, что вы загрызёте друг друга и мне не нужно будет с вами разговаривать, хах. Или хотя бы разбежитесь. Сладкого? — я предложил парню и девушке шоколад, но они отказались. — Не хотите — как хотите. Итак, на чём мы остановились… А, точно, мы там за Сьюзен хотели поговорить?.. или нет?

Оба продолжили молча смотреть. Даже памятник на площади и то более разговорчивый и общительный, чем эти оболтусы, не перестающие тяжело пыхтеть своими носами, как две загнанные лошади.

— Что вы как воды в рот набрали?! Сами позвали — сами молчите…

— Я тебя не зва…

— Замолчи, Милина, — перебил я девушку, пресекая очередную бессмысленную браваду с её стороны. — Совсем уже озверела. Если разучилась человеческому общению, можешь проваливать на все четыре стороны и возвращаться в зверинец, из которого пришла. Как бы сказал твой учитель: «В наше время таких пороли — уму-разуму учили!» Видимо, он тебя плохо порол, раз к своим недогодам ты стала так зазнаваться.

Я замолчал — Милина встала. Точно, я ведь не хотел её отчитывать… но отчитал… Даже не знаю, это старость берёт своё или, наоборот, — молодая горячая кровь?.. (Наверное, самый противоречивый вопрос в моей жизни.)

Сказав в ответ лишь какое-то дешёвое проклятье и словестно указав мне направление в одно непотребное место, Милина взяла вещи и быстрым шагом покинула столь захудалое кафе — приют для тараканов и прочей живности.

«А так можно было?!» — всплыло у меня в голове после её ухода. А ведь на её месте мог быть я… хотя… уходить вот так — как-то по-ребячески.

— Думаю, так даже лучше, — сказал я, посмотрев на Отто. — Видимо, на неё много всякого навалилось. Не суди строго. А мои слова… если не дура, рано или поздно осмыслит их.

— …Наверное, ты прав.

— Не «наверное», а «прав», хах. Так что там у вас? Смотрю, тебя потрепало. Но раз ещё не помер, значит, жить будешь.

— Как и сказал, а если бы и помер — тебе ведь всё равно. Разве нет?

Я промолчал.

— Пусть мы знакомы не так долго, но мог бы и на похороны прийти, или хотя бы поинтересоваться, что да как. Она к тебе всё-таки очень хорошо относилась…

— Как и сказал, — вернул я ему, — мы знакомы не так долго, чтобы думать или тем более корить себя за что-то такое. К слову… Но об этом позже. Так что ты хочешь? Найти виновных, отомстить или, может, просто выговориться?

— Я… я… Я не знаю… С того момента время будто остановилось… а сам я — на дне океана: вода давит всей своей массой… Не даёт двигаться, мыслить… жить. Я правда не знаю… Просто хотел вас увидеть. А вы морозитесь. Что Милина, что ты…

— Мне можно, я уже сказал почему. К слову… Но об этом позже. А Милина, да, что-то и впрямь слегка перегибает. Тем более, вы были такими дружными.

Лицо Отто передёрнулось. Видимо, я ударил по больному.

— Она не сразу так, — сказал он. — Поначалу всё терпимо было. В отличие от тебя, она даже на похоронах была… А потом…

— …чёрт за одно место укусил?

— Как-то так…

— Бывает. Ты ведь и сам знаешь, что даже не случись тех событий в школе, рано или поздно она бы изменилась, а ваши пути, скорее всего, разошлись бы. С момента появления «счастливого билета в жизнь», её статус приравнялся к… как ты их там называешь?.. точно, к «неприятным» личностям, хах.

Какое-то время Отто смотрел на меня в молчании, чуть погодя решился заговорить:

— Понимал… Она уже до тех событий сильно изменилась…

— Тем более.

— …но мне было всё равно… С ней бы наши дороги в любом случае разошлись, а вот Сьюзен…

— Однако Сьюзен больше нет.

В ответ послышалось очень тихое: «Да…»

Повисла пауза, которую я заел кофе с шоколадкой.

— Так вот, — сказал я, отставив чёрную жижу, которую в этом месте гордо называли «кофе», — вернёмся к сути. Я уже, наверное, спрашивал, но всё-таки скажи, чего ты хочешь? Я понимаю, что ты и сам не знаешь, но если не знаешь ты, то я — подавно.

Зафиксировав взгляд на собеседнике, я продолжил:

— Просто хотел встретиться со мной и Милиной? Тогда эту часть мы прошли. Что дальше? Найти виновных, отомстить?.. отыскать новую девушку, воскресить старую?.. замкнуться дома, захватить и уничтожить мир?.. жить дальше как ни в чём не бывало или умереть? — вариантов так много. Одни осуществимы, другие — нет. С чем-то я в состоянии помочь, а с чем-то — нет. (Если тебе вообще нужна моя помощь.) Так что, думай. И не смотри так. Я не давлю, просто хочу закрыть этот вопрос как можно быстрее.

Глава 159. Не в себе (часть 18)

Отто так и не смог сформулировать что-то конкретное или внятное. Либо он и в правду не знал, либо боялся высказать свои желания. Хотя… последнее явно не про него. Дабы немного разрядить наш ни к чему не ведущий разговор, я перевёл тему на всякие бытовые вещи: новая школа, планы на поступление и т.д.

Ответы были быстрыми и однозначными. Правда, неискренними.

— Ладно… — сказал я, устав от долгих бессмысленных речей. — Так как правда тебе особо-то и неинтересна, а сам ты не знаешь, чего хочешь, думаю, в остальном я тебе не помощник…

— Правда?.. Какая может быть правда? Ты же и сам всё понимаешь. Уж кто-кто, а ты…

— Я глупее, чем кажусь на самом деле, хах. Не стоит меня переоценивать. Значит, ты уже разобрался во всей этой ситуации?

— Ну… я долго думал на этот счёт…

— Оно и видно, небось пока лежал в больнице успел ещё и целую поэму написать.

— Нет…

— Ладно тебе. Так что, разобрался? Что понял, до чего додумался?

— …Понял, что мне обидно… Иногда злоба пробирает всё тело. Но если говорить о виновных и невиновных… я не думаю, что такое мог устроить какой-нибудь клан.

— О, мнение прям как из газет.

— Нет… Мне кажется, что здесь скорее замешаны сторонние Мировые Волшебники, может связанные с властью, может даже и с других стран. Но тогда это даже пугает... всё-таки это Монголия. Или они зря столько всего в армию вливают? — закончил он риторически.

— Вот оно как… Может и зря, — только и сказал я.

Я не стал придираться к тому, что и кланы могут соответствовать этим трём пунктам (наличие Мировых Волшебников, связь с властью и причастность к другим странам). Смысл слов Отто до меня вполне дошёл: он грешил на власть имущих подобных Регану О'Лири. Что сказать, винить его в таких умозаключениях, пусть и не совсем верных, то ещё кощунство. Ведь смысла в них куда больше, чем в тех жёлтых СМИ, рассказывающих как Ганц Йохансон переел сладкого и устроил бойню от нечего делать. Но факт оставался фактом: оба предположения являются ошибочными. (Мы ведь с вами знаем другую «правду». Самую правдивую из всех.)

— В любом случае, — продолжил Отто, — даже если бы мне и хотелось, что я могу сделать? Что могу изменить? Отомстить? Это вряд ли. Хотя о чём-то таком, если честно, я думал. Но реальность быстро возвращает на землю… Да и Милина взъелась на меня из-за этого, а я просто высказал свои мысли.

— Хах, смешные вы с ней, Отто. А ещё не тупые…

— Ты о чём?

— Да так, мысли вслух... Выбор сидеть и ничего не делать — вполне нормальный. Не всем же быть лезущими в неприятности «героями», хах. Или великими «мстюнами».

— Скорее всего… — слабо кивнул он.

— Однако… — выдал я.

— Что?.. Так что?

— Я тебе кое-что расскажу. Зная это, тебе определённо будет проще сделать выбор и принять решение. Может, и Милина заинтересуется, точнее, заинтересовать её — в твоих интересах, ведь сам ты вряд ли справишься, — я мягко улыбнулся.

— …а ты?

— Я? Я — нееет~

Отто слегка насторожился. Я продолжил:

— Вот что я тебе расскажу…

◊ ◊ ◊

(От 3 лица)

Милина вышла из кафе и пошла своей дорогой. Внутри неё бурлила злость, граничащая с ненавистью.

«Как же все за$%^&*!!! — думала девушка. — За$%^&*, за$%^&*(, за;%?*!!!»

Она не унимала свою мысленную ругань и проклинала всех кого только можно и не можно: от неизвестных жителей мира, до друзей и близких. Если Караак за последние полмесяца за… устал только физически (если вообще устал), то она ещё и психически. Тому было несколько причин.

Первая — место, куда её привела одна старая бабка:

«Ненавижу эту ведьму!!!»

Вторая — её обучение:

«Ненавижу эту ведьму!!!»

Третья — возлагаемые на неё т.н. «надежды»:

«Ненавижу эту ведьму!!!»

Четвёртая и последняя — невозможность отказаться от всего вышеупомянутого:

«Ненавижу эту ведьму!!!»

В общем, всему виной была та самая старая бабка.

Однако на деле корень проблемы был куда глубже: старая ведьма давила на Милину ещё и в психологическом плане. Внушала. Настаивала. Не соглашалась. Не считалась с её мнением. Отчего девушка ощущала себя скованной цепями, будто её лишили крыльев. При всём при этом Милина и до всех этих событий не считала себя по-настоящему свободной. Оставалось лишь гадать, что именно она чувствует.

«Здорово быть по-настоящему свободной… — подумала Милина, успокоив своё сознание. — А существуют ли вообще такие?! Не знаю… Наверное да. Точно должны быть! Иначе было бы обидно… Хотя… всех что-то гложет. Бедные хотят стать богатыми, богатые — влиятельными, влиятельные — сильными, сильные — могущественными, могущественные…»

Она задумалась.

«Они тоже чего-то хотят. Учитель такой же! Тоже вечно чего-то хотел! Такой сильный, а спокойно жить не мог: нервы, ссоры, проблемы… Хотя — бери и радуйся жизни! — что мешает?! — загорелась Милина. — Всё и́щите важности для себя!! Славы! Гадите в мире, в надежде, что вас увековечат в истории! Или ж^&^&* рвёте, чтобы казаться лучше, чем есть на самом деле!!!

— Посмотрите, он такой молодец!

— Какой хороший человек!

— Он такой умный!

— Я его так уважаю!

— Всем быть такими толковыми!

В ж$%& это всё!!! Нахрен!!! Ненавижу людей! Всех! Тебя! Тебя! Тебя!.. — Милина бросала пронзительные взгляды на прохожих. — Мерзкий ноющий ребёнок! Жирный урод! И тебя ненавижу старая кошёлка!!! Гореть вам всем чёрным пламенем!!! — Милина шла и проклинала всё на свете. Затем повернула голову и увидела прекрасную молодую девушку. — И тебя ненавижу, чёртова выскочка!!!»

Оторвав взгляд от своего отражения, Милина пошла дальше — гадких мыслей ей хватит надолго и на всех.

http://tl.rulate.ru/book/25164/3492555